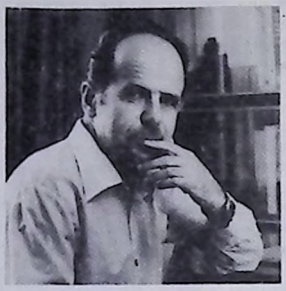
8 1981

ПРИРОДА

Природа и первобытное сознание

В. Р. Кабо



Владимир Рафаилович Кабо, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Занимается проблемами этногенеза коренного населения Австралии. Автор монографий: Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М. : Наука, 1969; Тасманийцы и тасманийская проблема. М. : Наука, 1975. За эти работы Президиум АН СССР присудил В. Р. Кабо премию им. Н. Н. Миклухо-Маклая за 1978 г. В «Природе» опубликовал статью «Природа и первобытное общество: проблемы социальной адаптации» (1979, № 4).

Духовную культуру первобытного общества можно сравнить с айсбергом; лишь небольшая его часть доступна непосредственному изучению, вся остальная масса скрыта от наших глаз. И только совместные усилия археологов, этнографов и других специалистов постепенно раскрывают черты этого поистине необъятного мира. Особый интерес представляет для нас проблема освоения первобытным сознанием природного мира, содержание представлений человека той эпохи о времени и пространстве, способы фиксации и использования доступных ему знаний. В связи с этим возникает и более общий вопрос — насколько мышление первобытного человека отличалось от нашего. Осветить эти вопросы мы и попытаемся в дальнейшем изложении.

МЫШЛЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОЕ И МЫШЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЕ

Считается, что мышление первобытного человека качественно отлично от нашего. По нашему мнению, это не так. Оно характеризуется не иной психической структурой, не иными мыслительными механизмами, а иным содержанием. Многочисленные факты убедительно показывают, что ум представителя любой общественной формации потенциально подготовлен к усвоению достижений любой более развитой культуры, и, поставленный в благоприятные условия, он успешно овладевает ими.

«Жители Огненной Земли считаются одними из низших варваров,— писал Ч. Дарвин. — Между тем я должен был постоянно удивляться трем из этих туземцев, которые были взяты на борт корабля «Бигль», прожили несколько лет в Англии и говорили немного по-английски,— до такой степени они походили на нас по характеру и большинству наших умственных способностей»[1]. В принципиальном единстве психики человека на всех ступенях исторического развития был глубоко убежден один из крупнейших этнографов нового времени Ф. Боас. Ум первобытного человека, полагал он, функционирует так же, как и ум человека цивилизованного. Способность к логическому мышлению — одно из фундаментальных свойств человека, наряду с членораздельной речью и употреблением орудий[2].

[1] Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. — Соч., т. 5. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 186.
[2] Боас Ф. Ум первобытного человека. М. — Л.: ГИЗ, 1926.

В свое время Л. Леви-Брюль стремился доказать, что мышление первобытного и цивилизованного человека качественно различны, что сознание первобытного человека расколото на сферу индивидуальных представлений, основанных на личном опыте, и сферу коллективных представлений, навязанных ему обществом и подчиненных особым, дологическим законам мышления[3]. В действительности, законы, управляющие коллективными представлениями и индивидуальным сознанием, в основе своей едины. Коллективные представления могут быть логически безупречными. По словам африканиста М. Глакмена, если в наш европейский дом, защищенный громоотводом, ударит молния, мы скажем, что мастер, сделавший громоотвод, никуда не годен, или провод плох, либо разорван. Если молния сожжет африканскую деревню, охраняемую против грозы колдовскими средствами, африканец скажет, что колдун никуда не годен, или его колдовские средства плохи, или было нарушено какое-то табу[4]. Логическая схема первобытных коллективных представлений может быть той же самой, что и наша. Различен лишь материал, с которым оперируют обе схемы. Этот материал детерминирован социально и культурно.

Часто утверждают, что в первобытном сознании отвлеченное, категориальное мышление играет ничтожную роль, что здесь преобладает мышление конкретное, практическое. Утверждение это опровергается многочисленными фактами, относящимися к области мифологии, религии и первобытной натурфилософии. Эти факты свидетельствуют о существовании в сознании отсталых охотничьих обществ целой системы сложных отвлеченных представлений. В своей совокупности они значительно шире того, что обычно вкладывается в понятие религия. Это своего рода энциклопедия первобытного человека, включающая немало таких представлений, которые со временем могли бы развиться в научные и философские идеи и концепции.

Издавна широко распространено мнение о бедности, ограниченности словарного запаса в языках отсталых обществ, примитивности этих языков, в чем сказывается, якобы, убожество духовного и практического опыта их носителей. Данные лингвистики показывают, однако, что этим языкам свойственны многочисленные абстрактные понятия, что они не только богаты по своему словарному запасу, но и достаточно сложны по своей структуре.

В процессе познания первобытный человек руководствуется законами логики, и в этом смысле его ум ничем не отличается от нашего ума, утверждает К. Леви-Стросс. Первобытное сознание исторически предшествует современному научному мышлению. А наличие или отсутствие в языке слов, выражающих абстрактные понятия, говорит не о больших или меньших умственных способностях, а о различной направленности интересов, притом не только практических. «Жажда объективного познания — один из самых неисследованных аспектов мышления людей, которых мы называем примитивными... Вселенная для них — предмет размышлений в той же мере, как и средство удовлетворения потребностей»[5].

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Расчленяя первобытную культуру на отдельные сферы общественного сознания, мы делаем это в известной мере произвольно. В эпоху первобытности преднаука, религия, искусство постепенно выкристаллизовывались из первоначально нерасчлененного целого. Одним из наиболее ярких проявлений первобытного синкретизма является мифология. Из нее постепенно развилась история как наука; это происходило по мере того, как историческое время отчленялось от мифологического. Мифологическое время не знает ни прошлого, ни настоящего в нашем понимании. Аборигены Австралии не просто воспроизводят в драматической мистерии мифологическое прошлое — оно само, вечное непрерывное время творения, вторгается в настоящее как живая реальность. Герои и события мифологического прошлого не менее реальны, чем люди и события настоящего. Для мифологического мышления существование едино и цельно. Мифологическое время безвременно, неизменно, обратимо. Ис-

[3] Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Изд-во Атеист, 1930.

[4] Gluckman M. The logic of African science and witchcraft. — In: Readings in Anthropology. N. Y., 1955.

[5] Levi-Strauss C. The Savage Mind. L., 1966, p. 3.

торическое время, в отличие от мифологического, замкнуто в себе, необратимо и дискретно — делится на ряд последовательных эпизодов. Историческая реальность, первоначально включенная в миф, постепенно отслаивалась от него, и это было одним из ранних и величайших завоеваний культуры. Знание того, как произошел мир, не только удовлетворяло интеллектуальные потребности первобытного человека — посредством этого знания он стремился овладеть силами, управляющими миром. Память о прошлом стала одним из важнейших средств культурной и социальной преемственности, условием сохранения достижений культуры и самого общества.

Индейцы дакота, не имевшие письменности, делали на шкурах бизонов рисунки, располагая их кругами — каждый рисунок рассказывал о каком-то реальном событии прошлого, и все вместе они представляли собой своеобразную историческую хронику. Более отвлеченное средство сохранения памяти о прошлом существовало в одном из индейских племен группы сиу. Это был шест, покрытый зарубками. Он передавался из поколения в поколение, и старики говорили, что в зарубках отразилась история племени более чем за тысячу лет. А. Маршак сообщает о памятной доске индейцев пима, запечатлевшей историю племени за 45 лет. Здесь каждая неокрашенная зарубка представляла один год, а окрашенные зарубки и точки — важнейшие события, случившиеся в том или ином году: набеги, метеоритные дожди, землетрясения, наводнения и т. д.[6] В этих случаях знаки играли роль мнемонического средства. Носителями исторической памяти были сами живые люди. Существует предположение, что в такой же функции выступали загадочные цилиндро-конические камни, найденные в Юго-Восточной Австралии; они обычно покрыты зарубками и другими знаками, нередко объединенными в группы, и эти знаки могли фиксировать какие-то события из жизни племени[7].

С потребностью сохранения памяти о прошлом связана одна из главных функций пиктографии, в которой соединились искусство, зарождающаяся письменность и возникающая история. Наиболее архаическая ступень развития письма представлена в австралийском племени валбири, где традиционные схематические рисунки на песке сопровождают и поясняют мифологические по содержанию рассказы. Процесс рассказывания ритмизован и, помимо рисунков, сопровождается традиционной жестикуляцией, сочетая, таким образом, мифологическое повествование с пантомимой, пением-речитативом и изобразительным искусством в функции пиктографии[8].

Более высокую ступень развития пиктографии обнаружил на Новой Гвинее Н. Н. Миклухо-Маклай. Идеографическое письмо, как называет его Миклухо-Маклай, служило здесь для сохранения памяти о знаменательных общественных событиях[9]. В этой функции оно соприкасается с пиктографической письменностью индейцев дакота или юкагиров. Правда, информационный эффект пиктографии достигается и здесь лишь тем, что изображение играет роль мнемонического средства, опираясь на которое память о прошлом передается непосредственно от одних людей к другим; за знаками еще не закрепилось постоянное значение. На следующей стадии развития письма его символы устойчиво связываются с теми или иными понятиями и явлениями.

Но известна такая архаическая стадия в развитии символических средств передачи информации, когда символом является не знак на предмете, а сам предмет. Таковы, например, некоторые жезлы-послания аборигенов Квинсленда. Здесь в операциях дистантного обмена жезлы, иногда со знаками, иногда без них, сопровождали посредника от одного контрагента к другому и возвращались вместе с приобретенными предметами. Один и тот же жезл мог применяться неоднократно в различных ситуациях и мог не иметь на себе никаких знаков — значение имел сам предмет, он сам символизировал определенную обменную операцию[10].

Отчленение исторического времени от мифологического сопровождалось отчленением географического пространства от мифологического. Мифологическое пространство, подобно мифологическому времени, не знает границ, оба они бесконечно протяженны, в отличие от дис-

[6] Marshack A. The Roots of Civilization. N. Y., 1972, p. 139—140.
[7] Black L. Cylcons. The Mystery Stones of the Darling River Valley. Sydney, 1942.
[8] Munn N. D. Walbiri Iconography. Ithaca, 1973.
[9] Миклухо-Маклай Н. Н. Соч. т. 3, ч. I, М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 97—99.
[10] Roth W. E. North Queensland Ethnography. Brisbane, 1906, p. 9—10.

кретных исторического времени и географического пространства. Свидетельствами познания пространства — охотничьих территорий, ареалов расселения общин и племен, мест, где проходили и действовали герои мифологии — являются примитивные «географические карты».

К наиболее ранним географическим схемам можно отнести условные изображения центров тотемического культа, расположенных на территории общины, вырезанные на австралийских чурингах и копьеметалках — своего рода тотемические карты местности. А так как эти святилища обычно совпадают с водоемами, такая тотемическая карта одновременно является и географической. Это лишь один из многих примеров полифункциональности первобытных орудий; совмещение в одном орудии (например, копьеметалке) нескольких производственных функций, использование его в религиозно-культовых целях и в функции отображения пространства, природы.

Географические схемы нередко вычерчиваются австралийцами просто на земле. Окружности обозначают стоянки своей и соседних общин, водоемы, места кочевок, тотемические святилища. Их взаимное расположение на поверхности земли примерно соответствует их действительному положению на местности. Каждая линия, соединяющая две соседние окружности, означает день перехода (обычно около 16 км), а протяженность всего пути выражается в количестве ночевок[11]. Принцип таких схем — линейный или радиальный, соответствующий характеру освоения местности первобытными охотниками, но он, в то же время, этноцентричен — точкой отсчета всегда является община автора схемы. Поэтому такие схемы нередко имеют замкнутый характер, они заканчиваются там же, где начались, и одно и то же место может быть показано дважды — на пути туда и на пути обратно.

Географические знания закрепляются не только в материальных объектах. Существовали словесные географические карты и карты-песни. Стоянки, места ночлегов, горы, скалы, водоемы, тропы героев мифологии последовательно называются в этих повествованиях или песнях. Рассказывают, что однажды машина путешественников-европейцев сломалась в одной из центральноавстралийских пустынь. Проводник-абориген успокоил путешественников, сказав им, что, хотя он никогда раньше не бывал в этой местности, он знает «ее песню». И, следуя указаниям песни, он вывел их к источнику. Таким было начало географии, еще тесно связанной с религией и мифологией.

У диери и некоторых других австралийских племен был обычай, покидая стоянку, оставлять так называемые тоа — вырезанные из дерева объемные изображения, на которых с помощью системы условных знаков, сделанных яркими красками, указывалось направление, в котором ушли люди, место, где они предполагали остановиться, и т. д. Причем форма тоа и знаки на них не только символизировали особенности той или иной местности, но и сообщали о том, что происходило в данной местности в мифические времена, когда здесь странствовали предки — культурные герои[12]. Будучи первобытными средствами коммуникации, тоа стоят на грани письменности. В них объединены первобытное искусство и мифология, первобытная география и письменность в ее начальной стадии. Всему этому суждено стать самостоятельными ветвями культуры лишь с дальнейшим ее развитием.

Карта аборигенов северной Австралии. Концентрическими окружностями обозначены тотемические святилища, а связывающими их линиями — пути мифических предков.

[11] Tindale N. B. Aboriginal Tribes of Australia. Berkeley, 1974, p. 38—39.

[12] Morphy H. Schematisation, meaning and communication in toas. — In: Form in Indigenous Art. Schematisation in the Art of Aboriginal Australia and Prehistoric Europe. Canberra, 1977.

Первобытное сознание различает четыре основные стороны света, и некоторые названия австралийских племен образованы от слов, означающих «север», «юг», «запад» и «восток». Например, племя вадьяри называет словом «малиара» («живущие к востоку», «восточные») группы племени будунгу, обитающие к востоку от них. Но для аборигенов, живущих к западу от вадьяри, они сами — «малиара»[13].

Структура обычного, немифологического времени и пространства первобытного человека не отличалась существенно от нашей. Различие состояло главным образом в том, что время и пространство мыслились не как свойства объективного мира, а как неотъемлемые элементы социального бытия. Счет времени был экологически обусловлен и включен в хозяйственную деятельность. С каждым сезоном года связывалось особое направление хозяйственной активности. Австралийское племя викмункан, по свидетельству Д. Томсона, делило год на пять сезонов, различающихся климатическими условиями, продовольственными ресурсами и образом жизни людей, и каждый сезон имел особое название. У многих племен, находящихся на более высоком уровне развития, лунные и звездные календари по-прежнему устойчиво связываются со сменой сезонов и соответствующей последовательностью хозяйственно-экологических циклов — созреванием растений, рыбной ловлей, выпасом скота и т. д. Обусловленность структуры пространства и времени экологической и социальной средой обнаружил у нуэров Э. Эванс-Причард. Год нуэров делится на сезоны по чередованию хозяйственных занятий. Так же делятся на части сутки. Длительные промежутки времени определяются промежутками между посвятительными обрядами.

Расстояние между деревнями определяется степенью этнической близости их населения. Это пример не только этноцентризма, отмеченного выше для австралийцев, но и этнорелятивизма (этнической относительности). Нужны были огромные сдвиги в общественном и культурном развитии человечества, чтобы понятия пространства и времени стали отвлеченными, оторвались от социально-экологической матрицы, в которую они были непосредственно вплетены.

[13] Tindale N. W. Aboriginal Tribes of Australia, p. 43—49.

ЗНАНИЯ ОБ ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ В ЖИЗНИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Первобытный охотник интуитивно и с большим искусством использовал законы природы задолго до того, как они были научно сформулированы. Он учитывал действие земного тяготения, загоняя животных в ямы или сбрасывая со скалы; посылал стрелу выше цели, зная, что, описав дугу, она достигнет ее. В бумеранге и бола гениально использованы законы аэродинамики. Закон рычага, увеличивающий силу руки, применен в копьеметалке. Законы сохранения и превращения вещества и энергии и другие законы природы постигались первобытным человеком, когда он трением или высеканием добывал огонь, готовил пищу, растапливал снег, чтобы получить воду. Древние мореплаватели Океании находили путь в открытом море, руководствуясь расположением и склонением светил, и у них даже существовали примитивные карты звездного неба. А это, наряду с первобытными календарями, первый шаг к созданию астрономии. Календари, которые появились впервые не менее 30 тыс. лет тому назад, основывались на наблюдениях за движением небесных светил, сменой сезонов, циклическим развитием растений и животных. Одновременно с календарями появились и примитивные орудия счета, «счетные таблицы» палеолитического человека, основанные на обозначении чисел и отрезков времени определенными символами[14]. Космос вошел в жизнь и сознание первобытного человека много тысячелетий тому назад. Ритмическая организация жизни и хозяйственной деятельности первобытных охотников соответствовала природному и космическому ритму.

По мнению Л. Леви-Брюля, системы счета отсталых племен покоились на недифференцированных «числах-совокупностях», конкретных выражениях определенного количества, неразлагаемых на единицы. А. Маршак показывает, что в сознании первобытного человека числа складывались в ряды, состоящие не только из совокупностей, но и из отдельных единиц, бывших результатом счета дискретных предметов или последовательных явлений — фаз луны, суток и т. д.

[14] Marshack A. The Roots of Civilization, N. Y., 1972. Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974; Он же. К истокам первобытной астрономии. — Природа, 1977, № 8, с. 96.

Старейшины воспроизводят вслух мифологическую историю племени, запечатленную условными знаками на священной чуринге [чуринги — деревянные или каменные пластины, на которых с помощью символов фиксируются эпизоды из мифов]. Северо-западная Австралия.

Это находит подтверждение и в данных этнографии.

В ходе освоения территорий, активной адаптации к естественногеографическим условиям, смене сезонов первобытные люди все глубже познавали природную среду, ее особенности, ее ресурсы. Обширные этнографические материалы показывают, что экономика и в значительной мере общественная жизнь охотников и собирателей строятся, опираясь на полученные знания. Их передвижения в границах определенных территорий и в определенное время года не случайны, а экологически строго обусловлены. Знания, относящиеся к природному окружению, его возможностям, способам его использования — одно из важнейших средств взаимодействия первобытного общества и природы.

Накопление знаний, увеличение объема требовало их систематизации и классификации. Аборигены Австралии не только различают сотни видов растений и животных, но и классифицируют их. Ботанический словарь племени хануноо (Филиппины) достигает двух тысяч названий: классификация видов местной авиафауны состоит из 75 категорий; тысячи видов насекомых объединены в 108 групп, и каждая имеет свое название[15]. Явления известного первобытному человеку мира входили в ту или иную категорию системы классификации и соотносились с теми или иными общественными явлениями и институтами; на этом основан классификационный тотемизм. По мнению Леви-Стросса, первобытные классификации временами сопоставимы, с формальной точки зрения, с классификациями, которыми все еще пользуются зоологи и ботаники[16]. Классификация животных и растений, употребляемая австралийцами племени викмункан, по словам Д. Томсона, напоминает линнеевскую.

Деятельность американских индейцев в области селекции и гибридизации растений была необычайно продуктивной и дала миру около трети видов, повсеместно используемых в настоящее время в сельском хозяйстве, а лекарственные растения насчитывают сотни видов и применение их включает тысячи способов. Им были известны наркотические и психотропные средства, анестетики, жаропонижающие, разнообразные методы физио- и психотерапии. Подобно многим народам древности, они успешно осуществляли хирургические операции на черепе; а ведь

[15] Levi-Strauss C. The Savage Mind, p. 4—8.
[16] Ibidem.

Изображение лабиринта на дереве у могилы аборигена (Австралия). Лабиринты, как и спирали, служили символами раскрытого в бесконечность мира мифологии.

трепанация черепа — одна из сложнейших операций даже в современных условиях[17]. В Квинсленде охотники и собиратели-австралийцы хорошо знали и употребляли в пищу более 200 видов растений, из них около 40 видов использовались с лечебными целями. По подсчетам специалистов, от 25 до 50% растений, используемых первобытными племенами в медицинских целях, способствуют достижению желаемых результатов[18].

Первобытные космогонические мифы тесно связаны с ритуалом. Функция ритуала — восстановление нарушенного равновесия как в мире физических явлений, так и во внутреннем психическом мире человека. Последняя функция ритуала исследована С. Н. Давиденковым[19]. Первобытный шаман был не психопатом, каким его часто изображают. Его камлание, подобно заговору знахаря, имело терапевтический эффект. Такое воздействие в ряде случаев могло быть столь же эффективным, как и лечение, опирающееся на фармакологические средства. Первобытная медицина как бы предчувствует современные открытия в области взаимодействия психических и физико-химических процессов в организме человека.

Следует подчеркнуть, что и многие другие достижения человека каменного века — земледелие и одомашнивание животных, гончарство и ткачество — были подготовлены его далекими предшественниками, основывались на длительном наблюдении за природными процессами[20].

Восприятие окружающего мира первобытным человеком отмечено печатью социо- и антропоцентризма. В центре природного и социального универсума всегда человек и его непосредственное социальное окружение, его община; от них ведется отсчет времени и пространства. Это находит выражение в первобытной символике, в формах условного геометрического искусства. Круг и система концентрических кругов выступают в качестве фундаментального символа мира природного и мира социального. И если социум изображался в виде замкнутого круга, выражающего его самодовлеющую сущность, то изображение лабиринта или спирали связывалось с разомкнутым в бесконечность миром мифологии, миром представлений об обители мертвых и о вечном круговороте жизни. Эти древние символы как архетипы сохраняются затем на протяжении тысячелетий в сознании и искусстве многих народов.

Условные геометрические композиции, символы, воплощающие абстрагированные формы вещей и отвлеченные понятия, сочетаются в первобытном искусстве с произведениями, тяготеющими к реалистическому отображению явлений окружающего мира. Эти две основные формы первобытного изобразительного искусства отражают не этапы его эволюции, а различные требования к художественному освоению действительности, сложность общественного сознания и многоаспектность восприятия им мира.

[17] Moerman D. E. American Medical Ethnobotany. N. Y., 1977.
[18] Ackerknecht E. N. Problems of primitive medicine. — In: Reader in Comparative Religion. N. Y., 1965, p. 399.
[19] Давиденко С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.
[20] Кабо В. Р. У истоков производящей экономики. — В кн.: Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980.

Композиция художника С. А. Надеина.

В 1974 г. автор этих строк познакомился на Сахалине с самобытным художником эвенком Семеном Александровичем Надеиным. Творчество этого художника, человека вполне современного, тем не менее уходит корнями в традиции художественного творчества и мировосприятие первобытного охотника и помогает понять их. Содержание творчества Надеина тесно связано с жизнью и эпосом народов Севера. Оно географически и этнографически конкретно и в то же время свободно, фантастично, проникнуто стихийным пантеизмом первобытного охотника. На одной из его композиций изображено восточное побережье северного Сахалина, точнее — Ныйский залив Охотского моря. Разъясняя ее содержание, Надеин точно называет каждую бухту, устье каждой реки. Вдали вздымаются горы, покрытые снегом — это горы Даги. По заснеженному льду Охотского моря мчатся запряженные парой оленей эвенкийские нарты, точнее нарты сахалинских эвенков, обладающие своими особенностями; и Надеин объясняет их устройство, показывает на рисунке и называет каждую их деталь. Для Надеина, как и для его предков — охотников и оленеводов — все в природном и бытовом окружении значимо, жизненно важно, отсюда его пристальный интерес к этому окружению во всей его конкретности. И в то же время восприятие им этого мира опоэтизировано и одухотворено.

С. А. Надеин не только художник, но и поэт. Свои стихи он называет стихами-картинами. Стихи и картины Надеина связаны содержательно и эмоционально. «Картину и слова соединяю,— говорит он.— Когда рисую, рождаются слова». Устное и изобразительное творчество для него нечто цельное, единое, и это тоже сближает его с первобытными творцами.

Проблема освоения природного мира первобытным общественным сознанием бесконечно сложна, как сложен и беспределен духовный мир первобытного человека. Автор стремился осветить лишь те аспекты этой проблемы, которые, по его мнению, принадлежат к важнейшим, изучение которых представляется наиболее перспективным.

Цена 50 коп.
Индекс 70707